

Соборно, коллективно, всенародно

Алексей Коленский

Четвертого (по новому стилю — шестнадцатого) мая 1896 года в Санкт-Петербургском увеселительном саду «Аквариум» состоялся первый российский кинопоказ.

КАЗАЛОСЬ, место выбрано не без умысла. Каменноостровский проспект очаровывал столичную публику, как живая картинка. Это была одна из самых «легких и безответственных улиц Петербурга. Ни вправо, ни влево не поддавайся: там чепуха, бестрамвайная глушь. Трамваи же на Каменноостровском развивают неслыханную скорость. Каменноостровский — это легкомысленный красавец, накрахмаливший свои две единственные каменные рубашки, и ветер с моря свистит в его трамвайной голове. Это молодой и безработный хлыщ, несущий под мышкой свои дома, как бедный щеголь свой воздушный пакет от прачки», — восхищался оригинальным ландшафтом Осип Мандельштам.

За десять лет до исторической премьеры купец 1-й гильдии Георгий Александров открыл здесь сад и ресторан «Аквариум». Пристроил театр, рассчитанный на две с половиной тысячи зрителей. В начале XX века добавились здание центрального рынка, каток и два доходных дома (в 1924-м тут получила прописку фабрика «Госкино»), спустя десять лет

(будущий Театр Оперетты) к концу мая перекочевал в летний сад «Эрмитаж», а в июле покорила Нижегородскую ярмарку. Корреспондент «Нижегородского листка» Максим Горький не скрывал ни мыслей, ни чувств: «Вчера я был в царстве теней... Там звуков нет и нет красок...

Это не жизнь, а тень жизни, и это не движение, а беззвучная тень движения. <...> Этому изобретению, ввиду его поражающей оригинальности, можно безошибочно предсказать широкое распространение. <...> но... раньше, чем послужить науке и помочь совершенствованию людей, <синаматограф> послужит Нижегородской ярмарке и поможет популяризации разврата».

ды, в их числе и постановочные, не сохранились. Ранние ростки отечественного кинопроизводства оказались затоптаны французскими конкурентами: оккупировавшие Невский и Тверскую магазины «Люмьер», «Пате», «Гомон» и «Эклер» продавали не только аппараты, но и экзотические ленты — 60 копеек за метр. Первый стационарный кинотеатр был открыт в Новороссийске предпринимателем Альвином Гуцманом, однако уже в июле 1897-го владелец бросил лавочку и отправился катать кино по ярмаркам.

А первый московский «иллюзион» появился в 1903-м, и лед тронулся: в течение считанных месяцев с центральных улиц до окраин зашагали тауматографы, электробиографы, электробиоскопы, си-

окончательно переименованная в «Ленфильм»). А вдохновителем этого архитектурно-художественного ансамбля стал оператор Люмьеров Камилл Серф, прибывший в Россию для съемок первого в мире репортажа — о коронации Николая II — и прихвативший с собой из Франции несколько коробок с пленкой.

В антракте между вторым и третьим действиями водевиля «Альфред-паша в Париже» петербуржцам представили десятиминутную программу из роликов братьев Люмьер: «Выход рабочих с завода», «Разрушение стены» и, разумеется, «Прибытие поезда». Зрители были ошеломлены. Спустя два дня синаматограф приехал в Москву, из театра Солодовникова

Пока же публика упивалась вспыхнувшей любовью: показы в «Эрмитаже» и «Аквариуме» стали регулярными, а рыцарем, рискнувшим принять вызов «парижской штучки», явился фотограф Владимир Федоров, он же — актер Театра Корша Сашин, который немедленно выписал аппарат «Витограф» и начал снимать уличные сценки.

Я изумлен, я ошарашен...

Какой неожиданный инцидент!

Кто б думать мог,

что комик Сашин

Люмьеру будет конкурент!..

Поступок сделал он отличный

И очень даже деловой:

Соединил талант комичный

Он с фотографией живой,

— зубоскалил остролов «Театральных известий». Увы, эти этю-

нематографы. Репертуар тех иллюзионов был эклектичным: за четвертьчасовой сеанс зрители успевали насладиться хроникальными и видовыми съемками, драмой или комической сценкой — в антрактах между «дивертисментами» бородатых женщин, татуированных лилипутов, говорящих восковых голов.

Нередко случались «взрывы» и пожары: из-за дефицита электричества пользовались эфирно-кислородным освещением. Сеансы проходили в ажиотаже и духоте, при постоянно вспыхивающей и меркнувшей картинке, под топот ног и истошные крики: «Даешь парижский жанр!» Порнографические ленты приобретали и показывали конспиративно и за отдельную плату.

В 1908-м владельцы московских «иллюзионов» Абрам Гехтман («Гранд-Паризьен») и Константин Абрамович («Гранд-электро») стали обмениваться фильмами с коллегами из других городов. Ярославский магнат Григорий Либкин начал сдавать в аренду уцененные ленты — от двух до десяти копеек за метр в неделю — и немедленно разбогател. Так родился кинопрокат и сформировался общероссийский репертуар, на три четверти состоявший из драм любви и

ревности баронетов, кокоток, апашей... К 1913 году в стране насчитывалось уже около полутора тысяч кинотеатров, специализировавшихся исключительно на показе живых картин без всяких «дивертисментов». Сеансы шли теперь около часа с двумя антрактами (две-три «роковые драмы», пара видовых и научных лент, три-четыре комические).

А как же отечественное кинопроизводство? Поначалу выпускать российские фильмы пытался французский «Торговый дом Гомон и Сиверсен», но прогорел. В 1905-м фирму приобрел подъесаул Войска Донского Александр Ханжонков, обосновавшийся в доме Саввинского подворья (Тверская, 6). Однако завоевывать искушенную публику он не спешил. Умами владели душещипательные и авантурные французские сериалы, фарсы, американские боевики и прочая, прочая. Это обилие можно уподобить насыщенному солевому раствору, в который погрузилось российское кинодело. Причем точки кристаллизации отыскивались далеко не сразу.

Закономерно, что из дебютных оригинальных опытов сохранилось чрезвычайно мало; характерные исключения — хроникальные съемки жизни царской

семьи или, например, «Торжественного перенесения Чудотворной Озерянской иконы из Куряжского монастыря в Харьков». Лишь в 1908-м снятая «Братьями Пате» документальная фильма «Донские казаки» разошлась в 219 копиях и доказала: в стране сформировался спрос на собственные картины.

Автором первой отечественной художественной киноленты стал Александр Дранков. 28 (15) октября 1908-го, ознаменованное премьерой «Понизовой вольницы», — день рождения русского игрового фильма. Хитами следующего года выступили произведения ранее специализировавшегося на хроникальных съемках «Торгового дома «А. Ханжонков и Ко»: «Песнь про купца Калашникова», «Выбор царской невесты», первый фильм-спектакль «Русская свадьба XIV столетия». В 1910-м — «Ермак Тимофеевич — покоритель Сибири», «Коробейники», «Маскарад» и «Идиот» Петра Чардынина. Дранков пытался соперничать с конкурентом, выпуская «упреждающие» одноименные, но халтурные картины. А затем остепенился и принялся специализироваться на детективных сериалах, таких как «Сонька золотая ручка», «Ванька-ключник» и подобных.

В успех дебютной русской полнометражной фильма «Оборона Севастополя» не верил даже сам Василий

Гончаров, режиссер, успевший заручиться высочайшей поддержкой и частичным казенным финансированием, упробивший друга подставить плечо. В итоге Александр Ханжонков лично снял батальные сцены и 8 ноября (26 октября) 1911 года в ливадийском дворце представил стоминутную эпопею государю и членам царской семьи.

В последних частях ленты седые ветераны обороны Севастополя — сестры милосердия, унтер-офицеры, рядовые, — сверкая медалями, выходили из ряда, снимали фуражки. Этот простодушный эмоциональный фрагмент покорял чистотой, восстанавливал уже ощущению разрушавшуюся связь времен. Раскрывшаяся общность народа и публики, создателей и почитателей общей истории буквально окрылила Россию. Вложивший все личные средства Ханжонков сумел выйти в ошеломительную прибыль, уступив владельцам кинотеатров исключительные права на демонстрацию в губерниях, уездах и городах, выдавая любое число копий за наличный расчет по цене обработанной пленки.

Заодно с коммерческой «Оборона Севастополя» задала художественную планку, которую кинопредприниматель поднял еще выше в сотрудничестве с Василием Гончаровым, Борисом Чайковским, Петром Чардыниным, Евгением Бауэром и первым автором сюжетной анимации Владиславом Старевичем. Вслед за ними в кино пришли экранные звезды и народные типы — законодатели новых стилей и мод, творцы модерна.

Костромской купец Михаил Трофимов («Бал господень», «Девы горы», «Поликушка») ангажировал для съемок более полсотни актеров Московского Художественного и Малого театров. Пауль Тиман и Владимир Гардин создали «Русскую золотую серию» (самые успешные картины — «Анна Каренина» с Марией Германовой, «Крейцеров соната» с Елизаветой Уваровой и «Дворянское гнездо» с Ольгой Преобра-

женской). Владелец дома терпимости Иосиф Ермолов, успевший поработать у Пате, закрыл заведение и тут же «на Брянке» (у Киевского вокзала) организовал кинофабрику, прославившуюся народными и классическими экранизациями Толстого («Семейное счастье»), Достоевского («Николай Ставрогин»), Пушкина («Пиковая дама»). Последняя — лента Якова Протазанова с Иваном Мозжухиным — по единодушному мнению современников и историков кино, стала высшим творческим достижением, звездным часом кинематографа Российской империи. И этот

сюжет так же красноречив, как чудо рождения нового искусства на Каменноостровском проспекте... Через двенадцать лет после исторической премьеры в саду «Аквариум» Корней Чуковский писал: «Великий жезл власти дал людям в руки кинематограф. Остановись, мгновение, ты прекрасно!» — этот возглас перестал уже быть риторическим... Ибо здесь возродилось перед нами в новых формах соборное творчество.

Только народные сказки и народные песни, какие-нибудь разбойничьи или казачьи, тоже созданные соборно, коллективно, всенародно, целой громадой людей, а не одним каким-нибудь человеком, — только они могли быть доселе таким же совершенным выражением своих создателей, каким нынче является кинематограф. Только в них мог так ясно отпечатлеться жизненный опыт легионов человеческих душ. У нас часто скорбели... что иссякает в народе хоровое, безличное его творчество, но вот оно снова возникло, такое же без-

личное, безымянное, такое же соборное и хоровое — и мы воочию можем видеть его в кинематографе. Кинематограф тоже есть песня, былина, сказка, причитание, заговор, но создатель всего этого, как мы видели, уже не народ... Город, сделавшись центром многомиллионной толпы, стал творить свой собственный массовый эпос... У кинематографа есть свои легенды, свои баллады, свои комедии, драмы, идиллии, фарсы. Он сочинитель повестей и рассказов и выступает перед публикой, как поэт, драматург, летописец и романист. И, заметьте, все признают в нем именно поэта и драматурга».

